

Кошмило Олег Константинович

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО СПРОСА И ИММАНЕНТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЖОРЖА БАТАЯ

В статье рассматривается панэкономическая гипотеза Жоржа Батая, словарь которого позволяет проинтерпретировать мир в целом как экономическую систему, нацеленную на поддержание баланса имманентного предложения и трансцендентного спроса. Такой взгляд будет интересен специалистам в области онтологии и философии экономики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 94-96. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 111.1

В статье рассматривается панэкономическая гипотеза Жоржа Батая, словарь которого позволяет проинтерпретировать мир в целом как экономическую систему, нацеленную на поддержание баланса имманентного предложения и трансцендентного спроса. Такой взгляд будет интересен специалистам в области онтологии и философии экономики.

Ключевые слова и фразы: Батай; бытие; экономика; спрос; предложение; трансцендентность; имманентность.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.

Кафедра философии и социальных коммуникаций

Санкт-Петербургский торгово-экономический институт

koshmilo-ok@yandex.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО СПРОСА И ИММАНЕНТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЖОРЖА БАТАЯ[©]

Панэкономическая гипотеза Жоржа Батая

Французский мыслитель Жорж Батай рядом своих философско-экономических текстов замыкает мир в макросистему с экономической динамикой циркуляции энергии по неизменному циклическому контуру. Описывая характер такой циркуляции, Батай заимствует принцип автономной балансировки экономической системы. И в то же время он отказывает экономике в привилегии компетентного пользования своим собственным принципом на том основании, что свойством теоретической экономики в её академическом изводе оказывается самоизоляция, автономность или, скорее, некий миф автономности. Батай предъявляет теоретической экономике упрек в том, что в целях достоверности и чистоты своих положений она основывается на замыкании своего предмета внутри только экономического опыта, и в итоге «экономическая наука довольствуется тем, что обобщает изолированную ситуацию, она ограничивает свой объект операциями, производимыми с ограниченной целью, характерной для экономического человека» [1, с. 117]. Автономность экономической теории – основа промахов в отношении целей своего анализа и причина зашоренности взгляда на мировое означаемое, экономическое означаемое которого она так тщательно синтезирует. Более того, сам принцип автономности теоретической экономики, синтезирующей свои понятия из конкретной экономической практики, оказывается причиной самих кризисных явлений в экономике уже практической, инициативой её «проклятий», как выражается Батай.

Выход из такого изоляционизма Батай обнаруживает в подключении экономического словаря к другим семантическим копилкам с тем, чтобы экономический процесс был «ясно отражен в сознании» [Там же, с. 131]. Батай осуществляет неожиданный ход, подсоединяя фундирующий экономику принцип *баланса спроса и предложения* к общему полю онтологических смыслов и ко всему горизонту внутримировых явлений. Важно, что в этом случае уже весь мир, по Батаю, предстает как экономическая система, как динамика сбалансированного движения энергии по замкнутому контуру циклического баланса предложения (роста, накопления, производства) и спроса (убывания, траты, потребления).

Содержанием этой системы является «действие энергии, которую не ограничивает никакая частная цель», «действие *живой материи в целом*, включенное в световую активность, следствием которой оно и является» [Там же, с. 117], циркулирование самой энергии бытия. Без остатка поделенный на законы экономики, мир у Батая предстает единой экономической системой, для которой характерно поддержание своего собственного равновесия. Удержание и сохранение равновесия – причина и цель любой системы, и вся саморегулирующая деятельность системы по поддержанию своего гомеостаза представляет собой её экономику в самом широком смысле слова.

Баланс имманентного предложения и трансцендентного спроса в экономике мире

Направляющими векторами экономической динамики общего мирохозяйства, по Батаю, оказываются противоположные процессы прибытия и убытия, возникновения и уничтожения, полагания и отрицания единичных и отдельных элементов, в частности, для соблюдения всеобщего равновесия и единства системы в целом. Актуализация Жоржем Батаем порядка сохранения гармоничной целостности и единства мира по способу полемического, агонального, напряженного противоборства крайностей явно содержит аллюзии к архаике досократического мышления (Анаксимандр, Парменид, Гераклит, Эмпедокл) и ставит его экономическую онтологию в один ряд с опытами модернистской реконструкции такого мышления, простирающейся от Гёльдерлина до Хайдеггера.

Перепрочитываемое с батаевским словарем единственно дошедшее до нас целиком высказывание Анаксимандра уже говорит не просто о порядке появления и исчезновения вещей в рамках соблюдения мистического закона преодоления таинственного «бесчинства» вещей [2, с. 120]. В этом небольшом, но таком емком изречении сказывается *изначальность* космического равновесия полагания и отрицания вещей, предшествующая всему бытийная исходность баланса произведения вещей в предложенность наличия и изведения вещи в отсутствие их истребленности [3, с. 28-69]. Анаксимандр мыслит Бытие как беспредельное (*ἀπέειρον*) место начальной пересеченности, перекрещенности полагания и отрицания вещей.

Бытийное произведение вещей обналичивается в горизонтальной одновременности пространственного сосуществования, в которой различность каждой вещи, нацеленной на суверенность и неизменность факта существования, оборачивается смертельным соперничеством всех вещей за место под солнцем. Траектория сохранения сокровенной суверенности совпадает с вертикальной линией временной последовательности единичного изменения вещи от начала к концу, и по этой линии сбывается её бытийное же уничтожение. Парадоксальность высказанного Анаксимандром Бытия с его непостижимой нераздельностью пребывания в постоянстве круга пространственного наличия и становящегося убывания вдоль изменчивости временного прехождения определила противопоставление неизменности парменидовского *единого* и изменчивости гераклитовского *становления*

Вписываемые в Бытие экономические категории положительного предложения и отрицательного спроса прибавляют к процессам возникновения и исчезновения определенные хронотопические значения, которые соотносят полагающее производство вещей к горизонту пространства, а отрицающее истребление – к вертикали времени. То есть экономика мирового хозяйства осуществляется во взаимодействии горизонтали пространственного предложения и вертикали временного спроса. Более того, в отношении всё той же хронотопической дифференциации производства и потребления Батай поляризует края онтологического баланса на состоянии имманентности и трансцендентности.

Весь порядок одновременной и наличной данности природных вещей, пребывающих словно «*вода в воде*», относится к состоянию *имманентности* как, прежде всего, *сокровенной* имманентности, распространяющегося от всей природы в целом на каждую вещь в отдельности. В этом состоянии, во-первых, «нет отношения *подчиненности*, как между объектом-вещью и человеком, который не желает быть рассматриваемым в качестве вещи» [1, с. 55], а во-вторых, «ничто не дано во временной длительности»: «Во времени, где уловима его длительность, объект существует лишь постольку, поскольку мы *люди*. Напротив того, животное, пожираемое другим зверем, дано в до-длительном состоянии – оно потребляется и уничтожается, здесь просто нечто исчезает в мире, где ничто не полагалось вне текущего момента времени» [Там же]. Это свойство имманентности ахронично пребывать в «до-длительности» предполагает отсутствие центральной точки отсчета, полагающей саму сосчитываемость, счёт и учёт прибытия и убытия. Эта точка может быть достоянием только человеческого разума. Итак, оба свойства имманентности горизонта замкнутой на себя, непрерывной природы совокупно исключают вертикальное измерение и в смысле оси иерархического отношения господства и рабства, и как основание дифференцирующей последовательности временящего становления.

Напротив, состояние *трансцендентности* как, прежде всего, *мистической*, религиозной трансцендентности характеризует, по Батаю, всю сферу и разделение вещей наделением их *духовными* смыслами-ценностями, которые, вытесняя собственный смысл существования вещи и оценивая её в *объект*, прорывают неразличимость природного континуума и противопоставляют себя природной имманентности [Там же, с. 61]. Наполненный трансцендентной ценностью объект в отношении своей востребованности, пригодности, полезности просительно или требовательно призывается человеческим словом в пользование и услужение [Там же, с. 67-68]. Становясь значимым объектом господского запроса человека, отныне природный объект что-то значит, назначается и начинает спрашиваться, выступает объектом спроса. Одухотворенный, оцененный и оцененный словесным значением объект, вступая в пространство по-требления во славу Божью или для собственной пользы, так или иначе, уже приговорен к истреблению отрицанию и сжиганию на нет. Наделенные ценностями и радикально квалифицированные объекты выстраиваются в вертикаль системной иерархии символов – отражений трансцендентных значений. Эта вертикаль квалифицированных символов трансцендируется над горизонтом природно-количественной имманентности и в итоге сгущается к ценности самой по себе, сверхценности потустороннего Абсолюта, в котором «сказывается стремление определить ценность, превосходящую все другие» [Там же, с. 62-63]. Содержанием и формой высшей ценности Верховного существа оказывается слово само по себе, слово всех слов, имя имён, имя Бога.

Можно добавить, что схоластика Средневековья, учредив незыблемость трансцендентной ценности, в то же время и обусловила спором между реализмом и номинализмом возможность перехода к иной системе экономического оценивания. Полемика между реалистами и номиналистами обернулась важнейшей практической хозяйственно-торговой стороной, связанной с проблемой оценки вещи. Если в парадигме реалистического догматизма вещь обладает вечным незыблемым объективным именем-ценностью, в т.ч. и в плане экономической оценки, то в критической парадигме номинализма цена вещи – это не более чем весьма изменчивое, *волатильное* понятие коллективно-субъективного договора, экономическим обстоятельством которого является рыночный торг. Номинализм создает логический прецедент экономической символизации *номинальной* цены товара как каждый раз вновь достигаемого результата рыночного консенсуса, в полной мере воцарившегося уже в Новое время.

В целом полагаемая Жоржем Батаем экономическая онтология являет собой динамику балансировки горизонтали природно-пространственного предложения, в силу своей реальности и положительности всегда имманентного, и вертикали божественно-временного спроса, по причине своей идеальности и отрицательности всегда трансцендентного.

Список литературы

1. Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
2. Фрагменты ранних греческих философов / ред. и сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 801 с.
3. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.

ONTOLOGICAL BALANCE OF TRANSCENDENT DEMAND AND IMMANENT SUPPLY IN GEORGE BATAILLE'S ECONOMIC THEORY

Oleg Konstantinovich Koshmilo, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social Communications
St. Petersburg Trade and Economic Institute
koshmilo-ok@yandex.ru

The author considers Georges Bataille's pan-economic hypothesis, mentions that Georges Bataille's vocabulary allows to interpret the world in general as the economic system aimed at immanent supply and transcendent demand balance maintaining, and shows that this viewpoint will be interesting to the specialists in the field of ontology and philosophy of economy.

Key words and phrases: Bataille; existence; economy; demand; supply; transcendence; immanence.

УДК 111.1

В статье речь идет о соотношении трансцендентного и имманентного основания понимания справедливости жизни, специфически рассматриваемой в качестве принципа баланса удовольствия и страдания. В череде эпохальных мировоззрений основание экзистенциально понимаемой справедливости относилось к сверхчеловеческим реальностям в виде либо универсального закона космоса, либо действия трансцендентной благодати. Только в Новое время принцип экзистенциальной справедливости стал относиться исключительно к субъекту, который автономно присваивает центр такого равновесия на имманентно достоверном основании принципа cogito.

Ключевые слова и фразы: справедливость; трансцендентность; имманентность; природа; Бог; субъект; центр; баланс; спрос; предложение.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
Кафедра философии и политологии
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ МОТИВ СОБЫТИЯ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ К ИММАНЕНТНОСТИ®

Справедливость: трансцендентность или имманентность?

Экзистенциальный мотив события капитализма звучит вопросом о справедливости, смысл которой с архаичных времен иллюстрируется образом весов. Коромысло весов человеческого существования испокон веков по сию пору взвешивает два ключевых и противоположных экзистенциальных количества – удовольствие и страдание, чьи этические пропорции, будучи иллюстрированы известным библейским образом, предстают как крайности добра и зла. Осевой проблемой, пронизывающей всю пирамиду генеалогии человеческого присутствия, является задающий одну из главных философских тем горячий спор о трансцендентности или имманентности самого центра тяжести весов, на чашах которых устанавливается баланс добра и зла. Проблема эта закалялась, например, в словопрениях между мистической апологией трансцендентного блага Платона и рациональным обоснованием имманентной субстанции Аристотеля, в споре любви к непрозрачно трансцендентной судьбе стоиков и имманентно свободного предпочтения удовольствия страданию эпикурейцев. Христианские дебаты между апологетами или благодати, или закона фундаментально разделили трансцендентного Бога и имманентную природу. Эпоха новоевропейской философии внесла свою лепту в развитие этого спора, разведя по разные стороны мистика божественной идеи и имманентность эмпирического восприятия. Кант ограничил трансцендентно ангажированную религиозность имманентной разумностью идеи автономной свободы. Эпоха модерна в рамках того же спора столкнула лбами логическое понятие трансцендентного духа в философии Гегеля и экономический предмет имманентного труда в политэкономии Маркса. В XX веке эта проблема обернулась контроверзой имманентного сознания в феноменологии Гуссерля и трансцендентного бытия в онтологии Хайдеггера. Но только, пожалуй, христианская мысль предельно уточнила все исходы этой проблемы, выбрав для ответа максимально крайние позиции веры в трансцендентное и имманентного безверия. Одним из итогов этого уточнения, по-видимому, и стал случившийся в эпоху Нового времени окончательный отказ от решения этого вопроса в пользу трансцендентности, которым, по сути, инициируется событие эпохи капитализма.

С точки зрения взвешивания радости, удовольствия и страдания, боли на экзистенциальных весах экономический порядок фундаментального баланса спроса и предложения вырисовывается в виде порядка экзистенциального баланса удовольствия и страдания. И если до эпохи капитализма основание этого баланса